

СТРАХИ

РУСЛАН ОСИНЦЕВ

ТРОПАМИ ПРИЗРАКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭПИЛОГ

18+

Руслан Осинцев Сталкер. Тропами призраков. Эпилог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69502210

SelfPub; 2023

Аннотация

Завершающая часть дилогии о долгом и полном опасностей пути Романа – сталкера, чья жизнь была разрушена по воле богов. Он прошёл длинную дорогу, сотни миров в надежде спасти любимую и покончить с Зоной, но удастся ли это ему?

Руслан Осинцев

Сталкер. Тропами призраков. Эпилог

I глава

– Опять дождь... – Роман зябко передёрнул плечами, поправляя сползающие лямки рюкзака. – Барыга... сволочь... подкинул ходку. Знал, что отказать не смогу. Мне без вариантов надо своё добро вернуть, а оно в залоге у этого кровососа, лежит, меня дожидается, а он, барыга этот, ещё хуже кровососа... Знал ведь, жаба, что мы их ходки пустые как барабан вернулись. Только патронов сотни на четыре зеленых рублей сожгли... может и больше. Бедолага из одиночек вовсе весь свой боезапас израсходовал, и все напрасно. Подгон угадили... Давно такого не было, чтобы вся нечисть вместе в кучу собиралась.

Роман, отвлеченный мыслями роем, блуждающим в голове, не заметил возникшее на пути препятствие в виде вывороченного из земли корня, запнулся и чуть не упал.

– Чтоб тебя, Зона... – выругался он, снова поправляя лямки рюкзака. – Осторожнее надо ходить, раззява, – подумал Роман. – Место безопасное, десятки раз им хоженое, вот и расслабился, а так нельзя. Сколько опытных бродяг из-за

этого теперь лежат забытыми по всей зоне...

Словно подтверждение его мыслей на невысоком холмике у застывшего навсегда, проржавевшего насквозь грузовика, притулившись спиной к переднему ободу колеса, выстелившем ото времени комбине зоне, сидел скелет, словно наблюдающий провалами пустых глазниц, выбеленного дождями черепа, за ленивым мерцанием распластавшейся аномалией электра, окружившей весь небольшой бур.

– Отдыхай брат – ещё раз бросил быстрый взгляд на скелет, сказал вслух Роман.

«Две трети пути позади» – снова подумал он, поправляя ненавистные лямки и двинулся дальше, не забывая отслеживать лишь ему одному знакомые ориентиры. В любое другое время он ни за что бы не взялся за эту работу. Путь к месту назначения в кругу сталкеров считался не перспективным и опасным по той причине, что артефактов, то есть предметов, появившихся от жизнедеятельности аномалий было мало, а если они и попадались, то не имели в торговле высокой цены. Торгаши их покупали нехотя, часто ссылаясь на отсутствие заказчиков, а вот самих аномалий на этом пути Зона Отчуждения раскидала не жадничая, притом, что природа их визуальных проявлений часто себя никак не показывала, собирая каждый день свою кровавую дань с расслабившихся ходоков зоны, не считая с тем, сталкер ли это, уставший от долгого перехода, или другой обитатель коих тут тоже имелось в изобилие. Роман, пропетляв между аномалиями ещё доб-

рых три часа, продвинулся всего на полтора километра. Серый дождливый день сменился таким же промозглым вечером. Сталкер торопился к схрону прежде, чем ночь замажет своей чернотой едва заметную тропу. Он снова оступился на скользком глиняном пригорке и, съехав на четвереньках на другую его сторону, чуть не угодил в другую аномалию – Жарка. Почувствовав движение, она ударила в небо ярким столбом огня, затем ещё и ещё раз. Роман, пятясь на четвереньках, словно рак, почувствовал запах опаленных собственных ресниц и брезентухи капюшона.

– Вот ведь, нелегкая, – зло выругался он. – Нет, я точно жабу его рюкзаком прибью... сволочь толстомордая... подсунул это дерьмо, да ещё нагрузил, словно я лошадь ломовая. Кирпичей накидал туда что ли...?

Дальнейший остаток пути до места ночевки прошло без происшествий, лишь небольшая стая чернобыльских кабанов, смазанными едва заметными силуэтами, пересекла дорогу и скрылась также не заметно в частокле неестественных корявых деревьев. Плечи и ноги уже не просто ныли, а отдавали монотонной саднящей болью при каждом шаге. Роман, стараясь отвлечь себя от физических мучений, представлял себе сухой уютный схрон с горячем ужином и постелью, где он сможет наконец избавиться от ненавистного груза... по крайней мере до утра. Когда он добрался до убежища или, как называли местные, схрона, ночь уже вступила в свои права. Ржавый лист железа перекрывал лес в цен-

тре в неизвестно кем и когда построенном, а теперь полностью разрушенном строении, расположенном на опушке леса таким же исковерканным, как и сам дом. Потянув носом, словно зверь, вечерний, вязкий, словно потока воздух, Роман с неудовольствием сделал вывод, что его тайное убежище, о котором знало всего несколько человек, кто-то посетил или находится в нем в данный момент. Роман не слыл в зоне хлебосольным хозяином, скорее наоборот, угрюмым одиночкой, а те немногие, кому он действительно был рад давно уже погибли, о чем было объявлено в сталкерской сети, или пропали без вести, о чем тоже было заявлено в той же сети. Скинув с плеч ненавистный рюкзак, Роман перекинул вокруг автомат, переведя флажок предохранителя на автоматический режим, и громко топнул по металлическому листу. А ответом ему была полная тишина. Он ещё раз гроыхнул ногой по железу. Эффект был аналогичный предыдущему. Подождав пару минут, ухватился за край листа и сдвинул его в сторону, открыв черный зев входа. Достав из кармана разгрузки старенький китайский фонарик, покрутил его в руке и, передумав, вернул его на прежнее место. Фонарь ему, по сути, был не нужен. Он знал каждую щербину ступеней, уходящих вниз на добрых четыре метра. Основная дверь в подземное убежище не была плотно закрыта, пропуская сквозь образовавшуюся щель слабый свет. Свет в схроне горел у Романа всегда. Это была его личная маленькая победа, которой он радовался каждый раз приходя в схрон.

Сборка из двух артефактов, батарейка и стальной горюх исправно обеспечивали электроэнергией лампочку, висящую в углу помещения. Роман осторожно, стараясь не создавать лишнего шума, спустился по лестнице и краем своего АК распахнул дверь, готовый к любому возможному варианту событий. Помещение было небольшим, три на три метра. Занимали его два топчана с расположенным между ними столом из сложенных друг на друга оружейных ящиков. У стены из тех же ящиков был сколочен импровизированный шкаф с множеством полок, заставленных нехитрыми предметами обихода жизни обычного бродяги зоны. Быстро окинув взглядом схрон, Роман не обнаружил никаких визитеров и, облегченно вздохнув, уселся на топчан.

– Вот и славно, не придется выдворять незваных гостей со стрельбой и матерщиной, – подумал он. – Но кто-то всё-таки сюда наведывался, я точно дверь запираю и кирпичей на листе железа не было, но кто? – Роман стал перебирать события, связанные с теми людьми, кто бывал тут ранее. – Белый... – вспоминал он, – Погиб месяц назад, его группу банда Сутулова на втором переходе от свалки всех положил. Сам Белый почти оторвался, его Грек с Слобаном в километре от бара Жабы нашли ещё живым. Он им обо всем рассказал, жаль донести не успели, слишком много крови потерял. Грей тоже славный малый, с долгонами вцепился из-за ерунды какой-то, тоже пулю поймал... Зона ему пухом.

Из воспоминаний его вырвал посторонний едва различ-

мый звук, донесшийся снаружи. Подхватив прислоненный к ящикам стола автомат, Роман передернул затвор и, накинув чистую оружейную ветошь на лампочку, стал ждать. Кто-то, громко матерясь, сдвинул лист и шумно отдуваясь, начал спускаться с основной двери. Вскоре она, тихо скрипнув на мощных петлях, начала открываться. Роман ожидал увидеть кого угодно, но только не Вадика Скорохода. В сети о его гибели сообщили ещё две недели назад. Судя по всему, Скороход был удивлен не меньше, переводя взгляд выпученных глаз со ствола автомата, направленного на него на лицо Романа.

– Ты чего здесь? – шумно, скорее пропыхтел, чем сказал Вадик. Вытерев от пота взмокший лоб, перепачканный глиняной перчаткой, от чего его перепуганное неожиданным обстоятельством лицо приняло ещё более глупый вид. Вся эта картина рассмешила Романа.

– Отбой тревоги, – сказал он и, улыбаясь, поставил АК к столу. – Это ты, Скороходик, поведай, как тут очутился живой и здоровый? Я, конечно, без претензий, но это мой схрон... Если ты, конечно, помнишь. Скороход... да ты не пыхти как паровоз, и рожу вытри... Индеец, тоже мне, на тропе войны.

Скороход, наверное, только теперь почувствовал себя в безопасности и расплылся в улыбке, обнажив свой щербатый рот на полном, усыпанном яркими веснушками, лице.

– Дружбанище, конечно, твой, и ты это... извини если что.

Ночь скоро. Ночью даже вражине в ночлеге не откажут, потому сам Бог велел к тебе заскочить. Я ведь только на одну ночку и дальше на Камышеву падь двину к одиночкам. Если что, я за ночевку хабаром расчёт сделать могу или инфой какой, – продолжал тараторить Скороход.

– Закрыта тема, – тоже улыбаясь, сказал Роман. – Доставай с полки две железные кружки. Не надо мне от тебя ничего, ночуй сколько надо. Скидывай снарягу, – и указал на свободный угол. – Места хватит, и харчей тоже, только ты правда рожу умой, в грязи вся, вода там, за шкафом. Разговоры потом разговаривать будем, – дважды говорить не пришлось.

Пока Скороход приводил себя в порядок, Роман собрал на стол всю незатейливую снедь нехитрого ужина, состоявшего из пары банок тушёнки и пачки галет. Пошарив рукой в ящике, составляющим стол, Роман извлек бутылку водки. Разогретое на спиртовой горелке тушёное мясо поплыло приятным пряным ароматом и в желудке Романа заурчало, напомнив ему о том, что он уже второй день ничего не ел. Восстановив дыхание и умывшись, Скороход, не дожидаясь приглашения, грузно умастился на соседний топчан. Ловким движением свернул пробку с бутылки и разлил содержимое по кружкам. Не чокаясь и не произнеся ни слова – выпили. Роман с видом кота, добравшегося до сметаны, выловил ножом из банки большой кусок мяса и, блаженно улыбнувшись, отправил его в рот

– Ну так что, Скороходик! Какими судьбами? Инфа по сети прошла, что мертвый ты, то есть нет тебя вовсе... Угадил Вадим Скороходов в аномалию «Жарко», подтвердил наёмник Ильюха Матерый... Так вот...

Скороход, не спрашивая разрешения, сам разлил водку по кружкам и, скорчив идиотскую гримасу, поднял кружку.

– Ну тогда... С днём, значит, меня Рождения, – тут же опрокинул содержимое себе в горло и довольно крякнул, утерев тыльной стороной ладони выступившее капли пота на лбу. Роман тоже не спеша выпил. Приятное тепло пробежало по пищеводу и если бы не вкус дешёвой сивухи, то все было бы по фэншую, подумал он. Скороход, шустро опустошая банку, продолжал тараторить. – Ты прикинь, Ром, какая хреновина... – продолжал он, закидывая в рот очередную порцию мяса. – Я с прошлой ходки возвращался, нормально так хабара взял. Чувствую за мной увязался кто-то. Нет... Глазами не увидел, чуйка сработала. Уже почти свалку прошёл, а чувство все держит. Добрел до бульдозера, прыг за лопату и жду. Ну вот всё жду и жду, – продолжил Скороход, красноречиво глядя на полупустую бутылку. Роман, прочитав взгляд, плеснул в обе кружки. Скороход, благодарно кивнув, тут же осушил свою порцию и подхватив кусок мяса закинул в рот.

– Вот значит, – продолжил он. – Смотрю, точно, шагают трое, налегке. У двоих автоматы, а третий с ВСС, и между собой говорят... Мол далеко сталкерюга уйти не сможет, скоро нагоним и отработаем. Только я ждать не стал, когда они

меня отработывать начнут. Срезал их одной очередью. Всё, думаю, хона бандюкам... Подошел, а там наёмники, снаряга у них знатная, не по карману бандитам, а кому и по карману – они в таком прикиде всё одно ходить не станут... не по понятиям. Один жив оказался. Тот самый Ильюха Матерый, расшевелил его значит, спрашиваю... За что про что они на меня зуб наточили? А он отвечает, что не за мной они, другой у них клиент в покойники определён был, а меня они уже давно видели, думали, что стороной обойдут. Такая вот незадача приключилась.

– Ну, а ты что? – разливая остатки водки заинтересовался Роман.

– А что я? – пододвигая кружку к себе, продолжил Скороход. – Развесил я, Рома, уши... Пожалел... Ильюха мне, мол без претензий... Сам понимаю, бывает такое. Ну я ему аптечку оставил, пожрать, и двинул к Барыге. Он сказал, что его свои скоро подберут.

– Дальше то что?

– А то... – Скороход залпом допил водку и громко хлопнул дном кружки по столу. – Оклемался Ильюха и на меня охоту накрыл. И почти удачно, возле Агропрома меня зажали, плотно так зажали... Всё, думаю, хана тебе, Скороходик, отбежался. Патронов пол рожка осталось, бежать некуда, либо к ним, либо в аномалию прыгать. Лежу, слышу подо мной скребет что-то. Отполз, точно люк и из него кто-то вылезти пытается. Долго думать не стал, один хрен пропадать. Сам

помог открыть, а оттуда из люка значит зомбак почти свежий выползает и прикинь... Комбез почти один в один мой. Я этого новопредставившегося за плечи и в Жарку запихнул, свой ствол и всё добро рядом к нему, недожиру быть бы живу, а сам в люк, благо никого больше в этом отстойнике не осталось. Ночь просидел и до старого своего схрона ушел. Потому и отписали меня в убиенные. Отсиделся там, пока припасы были и подался к вольным, в болотную падь. А через эти места никто по доброй воле не сунется, – посмотрев в пустую кружку, Скороход, как бы между прочем, поинтересовался. – Водочки у тебя больше нигде не приныкано? Жажда мучает.

Роман, приподняв бровь, выудил ещё одну бутылку.

– Это, Скороход, не жажда, а пьянство, – заметив бутылку, Скороход лукаво прищурил глаз.

– Ты, Рома, не жадничай. Это у тебя пьянство, а для меня самое, что ни на есть жажда, – спорить Роман не стал, лишь усмехнулся.

– Со мной теперь, вроде как, ясно всё, сам ты как сюда? – и обвел рукой помещение. – Если не хочешь – не говори, ведь я у тебя гость, а не ты у меня, – уголки губ Романа скривились в невеселой усмешке.

– Да тоже, Скороход, можно сказать не по-умному. Уго-раздило в свой день рождения к Жабе в бар угодить. С деньгами туго, пустые вернулись, а у Жабы, сам знаешь как. Рад стараться сталкера в долги загнать. Думал посидим чуток и

всё, да где там. Тоже... как ты говоришь, жажду утолили и понеслось... гуляли все... Как ушёл в номер – не помню. Встал, голова не своя. В бар спустился пивка взять, а там уже Жаба поджидает... Рожа довольная, глазёнки бегают. На мол, дорогой мой именинник, поправляйся, да в дорогу готовься. Я ему... о какой дороге может речь идти, рожа твоя барыжная? А он мне под нос договор, а залоге всей моей снаряги и сроки. Если не уложусь – всё с молотка пустит. А под договором моя загагулина в виде подписи, и свидетелей целый сарафан. С оговоркой отсрочку сделал, так что всё, что на мне и при мне, можно сказать не моё, а без снаряги сам понимаешь, в Зону сталкер не ходок, проживёшь возле бара недолго, конечно, если совести нет и на жалость давить, а так хоть сам как твой зомби в аномалию шагай, чтоб не мучиться.

Скороход, разомлевший от водки и плотного ужина, казалось, уже и не слушал, разглядывая свои толстые, как сардельки, пальцы.

– Хреново, – только сказал он.

– Сам знал, что хреново, – заметив состояние Скорохода огрызнулся Роман. – Хватит лясы точить, спать пора, завтра день тяжелый.

– Да, поспать минут шестьсот не помешает, – согласился Скороход и принялся неуклюже развязывать шнурки берц. Уже лежа на топчане, кряхтя перевернулся на бок и шумно вздохнул. – Ром, не спишь? Знаю, что ты не словоохотливый.

Расскажи, как ты в зоне очутился, а то болтают небылицы всякие.

– И о чем болтают? – лежа на спине и глядя в потолок вяло спросил Роман. Скороход, видимо не зная с чего начать, некоторое время молча сопел, а потом, облокотившись щекой на свой мощный кулак, прямо посмотрел на Романа.

– Да то и болтают, ерунду мелют всякую. Что отбили тебя у моновцев, полудохлуго, и те за тебя все до единого полегли. Чудно... Обычно фанатики брата сталкера сразу в расход пускают, а тебя на носилках тащили, и видно было, что медики их тебя хорошо подлатали. Да и снаряга... Комбез твой, ну и всё остальное, даже знатному ветерану не по карману. И позывного у тебя по сию пору нет, хотя два года как в зоне... Загадка...

– Ты, вообще, как в зону попал? Загадка, – эхом ответил Роман. – Спи уже, исследователь, – без злобы проворчал Роман.

Закинув руки за голову, он закрыл глаза и сам попытался уснуть, но не смотря на усталость от тяжелого перехода сон никак не шёл. Вопрос Скорохода, задаваемый ему уже не один десяток раз, словно молот в колокол бил в его мозг. Жизнь в зоне Отчуждения ничего общего не имела с представлением только что прибывших новичков. Не было в ней никакой таинственности и романтики. Это был ежедневный тяжёлый труд, порой за гранью сил и понимая обычного человека. Здесь оголялась вся суть понятия выживания. Взрыв

АС привел к апокалиптическому выбросу энергии, непонятной и могущественной. Это повлекло за собой образование самой Зоны Отчуждения, где все физические, гравитационные и биологические законы земли были попросту перечёркнуты, она жила своей собственной жизнью. Появились энергетические образования, различного внешнего воздействия. Позднее их называли просто – «аномалия» и по мере изучения этих самых аномалии им были присвоены имена. За эти знания люди платили своими жизнями, так как почти все из них несли смерть, но это не останавливало исследователей, так как благодаря действию аномалии, образовывались различные субстанции и предметы, называемые артефактами или просто артами. Деньги на земле ещё никто не отменял. В зоне они тоже имели хождения: снаряжения, оружия, продукты питания, специальное оборудование, всё имело свою цену, и самый конвертируемой валютой были арты. Одни встречались часто и почти ничего не стоили, но попадались и редкие, стоимостью в целое состояние. Продав пару подобных артов, можно было обеспечить свой банковский счёт суммой со множеством нулей после основной цифры. Много отчаянных авантюристов или просто романтиков потянулись в Зону Отчуждения, надеясь получить свой выигрышный билет. Люди сбивались в группы по интересам, образовываясь группировки. Ученые тоже ринулись в зону за кандидатскими и докторскими степенями, стесняясь скупать артефакты у сталкера. Вскоре появились и те, кто не хотел

честно зарабатывать свой хлеб, рискуя угодить в смертельные ловушки зоны, посчитав, что проще отобрать уже найденное. Завершая всю эту палитру разномассовой публики, образовавшей некое подобие странного государства – Зону Отчуждения. Границы территории были наглухо перекрыты военными. Флора и фауна тоже претерпела удивительные изменения. Всё то, что было безобидными растениями и животными стало смертельно опасно, и во всем этом враждебном ведьмином бульоне главным ингредиентом являлись обычные сталкеры. Роман уже два года жил этой необычной жёсткой жизнью. Под робкое похрапывание Скорохода он не спал, снова и снова пытаясь вспомнить, как он мог тут оказаться. Память наглухо закрыла все тропинки в его прошлое. Он даже не был уверен в том, что его действительно зовут Роман. Так он почему-то называл себя, когда его действительно отбили у отряда Моно, фанатиков, верующих в божественную силу некоего исполнителя желаний, находящегося в легендарном городе Припять и рьяно охраняемый этой группировкой. Долгих полтора месяца он восстанавливался от ранений. Моторика, рефлексy, реакции были уже в полном порядке. Он отлично знал почти все секреты выживания в этом враждебном мире, повадки его обитателей. Без особого труда мог пройти любой сложный участок, при этом его всегда не оставляла уверенность в том, что он многократно проходил тот или иной путь. Подготовка опытного бойца накоротке общающегося с различными типами вооружения

тоже были на высоте, но всё, что его связывало с собственным прошлым было тайной за семью печатями, и сколько бы он не ломал над этим голову, результат оставался нулевым. Жизнь, как известно, не стоит на месте, и Роман, как того и следовало ожидать, взялся за ремесло, которое умел лучше всего. В глубине души надеясь вернуть утраченную память. Спрос на хороших проводников всегда был велик. Это могли быть учёные, чей интерес толкал их в самые неизвестные и малоизученные участки зоны. Члены группировок лояльные и дружественные сталкерам «одиночкам» тоже часто пользовались услугами проводников, и даже лояльные враждующие со всей зоной и её поселенцами нет-нет, да и прибегали к услугам проводников с поручениями заведомо невыполнимыми для них самих, не смотря на всю их боевую мощь и технику. Всё это делалось, конечно, не официально, а ушедшее в качестве оплаты боеприпасов, снаряжения или сухпайки с тактическими медицинскими аптечками легко списывались. Так Зона и жила в своей закапсулированной границами территории. Роман лишь под утро забылся в своем чутком сне без сновидений.

II глава

– Тор! Мне кажется, вы заигрались.

– Не понимаю, о чём вы? – поинтересовался человек с грубыми, словно высеченными из гранита чертами лица.

– Тор! Это для вас, высших все кажется игрой, у вас вечность позади, и перед вами вечность, а жизнь простого куратора напрямую зависит от этой, как вы называете, игры... – у Свенсона, в отличии от Тора, были более мягкие черты лица аристократа века девятнадцатого. Жёсткий, холодный взгляд, нетерпящий сомнений, словно сверло алмазного бура считывал поступившие на информационную пластину данные. – Накопители жизни полны на четверть и объем продолжает расти. Прошлый прорыв едва не стоил нам жизни, а как вы понимаете, – продолжил Свенсон. – Мы, кураторы, та самая нить, которая позволяет собирать жизненную силу для вас, высших. Миновали давно те времена, когда люди добровольно, со счастливой улыбкой идиотов на лицах дарили её вам в первозданном чистом виде. Развития прогресса цивилизации за последние несколько столетий, кусок сырого тёплого мяса полного витаминами белком и всем прочим превратили его в стейк глубокой прожарки сомнительного происхождения. А ту самую живую кровь из того, что имели, добываем для вас именно мы, кураторы, – брови Тора сошлись, прочертив на лбу широкую полосу.

– Это ваша работа. И вы... это не мы. Не забывайте об этом никогда, – Тор, подняв кулак, громко обрушил его на край каменного стола, поставив точку в разговоре. Свенсон, молча кивнув, быстрым шагом покинул тронный зал.

Нарциссизм характера Свенсона просто зашкаливал, поэтому каждая головомойка со стороны Тора приводила его

в бешенство, которое он за долгие годы службы научился скрывать под маской холодной учтивости, но раз от раза это давалось ему всё сложнее. Двигаясь по длинной галерее замка, сложенной из грубо подогнанных гранитных плит под заунывное подвывание промозглого ветра Свенсон мысленно, словно мантру повторял одну и ту же фразу... «Время старых Богов подходит к концу, скоро мы станем богами... Вы ждали Рагнарёк... он уже на вашем пороге...»

Сон Романа, как это было уже не один десяток раз, закончился кошмаром. Огромная оскаленная пасть чернобыльского пса псионика пыталась ухватить его за руку. С виду пёс с ним пытался просто играть, как это делают, дурачась, его обычные собратья собаки, но размер головы годовалого быка и клыки с добрый кухонный тесак вгоняли Романа в ступор. Он ощущал себя мухой, угодившей на клейкую ленту ловушки, не в состоянии даже немного пошевелится и вот клыки уже готовы сомкнуться на его запястье, Роман слышит голос женщины... «Барбос... перестань баловаться». Голос кажется таким знакомым и родным. Он из-за всех сил пытается разглядеть мерцающий силуэт, но вместо женщины чей голос он слышит видит в паре метров от себя очередного монстра Зоны – излома с оторванной ногой. Опёршись на огромные, не пропорциональные человеческому телу руки он одним махом оказывается рядом и, открыв клыкастый рот, громко кричит... «Вот, голуба моя... Шас тебя значитя обниму...» Роман, напрягая остатки сил, рванулся назад и

проснулся. Дрожащей рукой вытер холодную испарину, выступившую на лбу. «Опять это дерьмо...» подумал он, поднимаясь с топчана. Мерный храп Скорохода, словно работа дизельного генератора, да тихое гудение артефакта «Батарейка» действовали успокаивающе. На командирских часах Романа стрелки показывали половину восьмого утра. Долгие разговоры с выяснением кто, куда и зачем не были коньком в натуре Романа, поэтому он, стараясь не тревожить сон Скорохода, решил собраться по-тихому и уйти, так сказать, по-английски. Пока закипала вода для приготовления кофе, молотого заранее, Роман проводил краткую ревизию своего снаряжения, размышляя о том, что этого самого кофе запасы почти иссякли и это обстоятельство его, Романа, сильно напрягало. Утренняя кружка этого ароматного напитка у Романа была возведена в обязательное, почти религиозное действие, а в Зоне Отчуждения... кофе, а тем более хорошее, было запредельно дорогим удовольствием и приобрести его можно было лишь у нескольких торговцев, одним из которых и был ранее упомянутый Жаба. Все его теперешние злоключения были косвенно связаны с его привычкой к заморскому напитку, ведь именно для того, чтобы приобрести в запас кофейных зёрен, на свою беду, Роман и оказался у Жабы. А день рождения... это уже был хитрый ход предприимчивого бармена. Дату своего рождения Роман попросту не помнил, поэтому Жаба объявил, что день, когда его, Романа, отбили у группы моновцев, теперь и есть его день рождения, с чем

Роман спорить не стал. Должен же быть у человека свой собственный день рождения... почему бы не этот. Размышляя об этом, Роман засыпал молотые зёрна в закипающую воду. Немного подождав, когда в кружке поднимется дурманящая своим запахом пенная шапка, он погасил горелку. «Пусть чуть-чуть настоится», – довольно подумал он, предвкушая удовольствие.

Подхватив приставленный к столу автомат, отлаженными привычными движениями разобрал его, разложив детали на столе. Придирчиво всё осмотрев остался доволен и, быстро собрав его в обратном порядке, вернул на прежнее место. Есть не хотелось, но подумав о том, что возможность полноценно поесть неизвестно когда появится, он всё же решил вскрыть тушёнку. Тихо открыть банку не вышло... от удара ножа по верхней части банки стальная кружка, стоявшая на столе, предательски подпрыгнув, опрокинулась и, сделав полукруг, звонко гремя по деревянным ящикам, упала и покапала по полу.

– Вот же хрень... – выругался Роман, стараясь поддеть пальцами кружку, закатившуюся под топчан, на котором спал Скороход.

Наконец подхватив её за ручку, Роман начал разгибаться и нос к носу столкнулся со взглядом Скорохода, смотрящего на него в упор.

– Ты чё разгремелся...? Утро уже...? Выходить пора? Вот я дрыхнуть... Ты, смотрю, уже и кофеёк сварганил... Такая

ерунда приснилась... прикинь, – и Скороход скороговоркой, часто сбиваясь начал рассказ своих ночных видений, но Роман его не слушал, с тоской подумав: «Началось... Вот гад... такое утро испортил...», сам же натянув на лицо выражение учтивости кивнул Скороходу.

– Утро доброе... если оно, конечно, доброе. Я, собственно, не планировал тебя будить. Думал соберусь по-скоренькому... – в глазах скорохода промелькнула тень разочарования, перемешанная со страхом.

– Как по-тихому? А я?

– А что ты? – разливая кофе уже в две кружки парировал вопрос Роман.

– Ну как же! Я думал мы... это... вместе, – неуверенным тоном пробурчал Скороход. – Оно ведь на пару легче. Знаю, что один ходишь. Но я... я помехой не буду... и спину прикрою если что.

– С моей-то спиной, если ты не в курсе, всё в полном порядке, а если и нет, то я как-то сам привык её себе прикрывать, потому что, как ты уже сказал, я действительно хожу один. Поэтому, изъясняясь без особой лирики, ты, Скороходик, не о моей спине переживаешь, а о сохранении своей собственной задницы, – плечи Скорохода поникли.

– Ну и хрен с тобой... не хочешь – не надо... сам пойду... и кофе твой говно полное, – отодвигая от себя кружку проворчал Скороход.

– Слюни подбери... – прочитав в глазах сталкера тоску,

обручѣнную с безнадѣгой, назидательным тоном сказал Роман. – Вместе пойдѣм. Мой адресат находится немного в стороне. Идѣм туда, скидываем груз, и я тебя проведу до лагерья одиночек... На этом наш союз финита ля комедия. И вот ещё что... Ещё раз так про мой кофе скажешь я тебе бивни повышибаю, – лицо Скорохода лучилось улыбкой на все тридцать два зуба.

– Ром... А кто эта финита?

– Конь в пальто... конец значит компаньонству.

– Да-да... Само собой разумеется, – благодарно промямлил Скороход. – И про кофе твой это я так, со зла... Просто мне одному до болотной пади добраться совсем не светит этим маршрутом и назад ходу нет, сам понимаешь. В общем спасибо тебе...

– Да не за что пока, – смутился Роман. – Выдвигаемся скоро. Так что хватит зубами лязгать. Подкрепимся и в путь. Время пожимает.

Кофе был выпит, тушёнка съедена. Оружие и снаряжение тщательно проверено. Тяжёлый металлический кейс с товаром от Жабы перекочевал из неудобного рюкзака Романа, в хороший альпийский рюкзак Скорохода. Нести груз решили по очереди, и Скороход без разговоров вознамерился нести его первым. Так как отряд разросся до двух человек время выхода сместилось больше чем на час. А всё потому, что оружие Скорохода было практически не пригодным и прибывало в полном запустении, а от него напрямую зависела жизнь.

Покопавшись с автоматом добрых полчаса Роман махнул рукой и сгрёб детали автомата в сторону.

– Ну, Скорый, ты и свинья! Так оружие запустить... Возвратная пружина прослаблена, ствол изношен в хлам, патронприёмник забит, выбрасыватель – тоже ни к чёрту. Ты вообще из него стрелял? – Скороход насупился.

– Нет, не стрелял, не по кому было! Да и ствол это не мой, у Серёги Копыто, в его схроне, на втором переходе прихватил.

– Оно и видно, что Копыто. Только с копытами так автомат можно запустить.

– И чё делать теперь?

– Муравью хер приделать. Есть у меня в загашнике... Не артиллерия, конечно, но сойдёт, – отодвинув из угла пару ящичков, Роман извлёк из одного многозарядный дробовик SPAS-12 и несколько коробок патронов с крупной картечью. – На, владей, «вояка»!

– Ух ты... – только и сказал Скороход. – Давно такую штуку себе хотел! Да всё то денег жалко, то нет их, этих самых денег. Я это, Ром... По возможности рассчитаюсь, сам знаешь.

– Тебе мой хабар полдороги тащить, так что считай мы в расчёте.

– Ух ты... Вот спасибо! – счастливый Скороход с видом ребёнка, получившего желанную игрушку, рассмотрел дробовик.

– Не за что, – сдержанно принял благодарность Роман. Открыв дверь, сдвинув металлический лист, сталкеры вылезли из схрона. Улица встретила мокрым утренним туманом, ещё не успевшим расползтись по каналам и низинам неприглядного пейзажа.

– Готов? – Роман ещё раз осмотрел Скорохода.

– А то! – отозвался тот, неизвестно чему улыбаясь.

Путь Роману был хорошо знаком, но Зона всегда подкидывала новые смертельные сюрпризы, поэтому лёгкой прогулки ждать не приходилось. Чавкая берцами по мягкой раскисшей почве, укрытой жухлым ковром невысокой травы, след в след пара зашагала к следующей точке. Время от времени они останавливались, Роман отмечал в наладоннике очередной ориентир или аномалию, появившуюся недавно. Где-то вдалеке тоскливо завыл слепой пёс – один из многочисленных мутантов Зоны, произошедший от обычных Тузиков и Шариков, верой и правдой служивших на протяжении многих веков человеку. Тут же человек был его врагом и, по возможности, добычей. Снова вой прервал тишину уже ближе. В ответ ему провыли ещё несколько глоток.

– Человек собаке друг, это знают все вокруг, – откуда-то из памяти всплыло в голове Романа.

Для вооруженного сталкера один пёс опасности не представлял. Они были действительно полностью слепы, но нюх при этом имели идеальный, чем полностью свой недуг и компенсировали. Псы редко были одиночками и, как правило,

сбивались в большие стаи, доходившие до нескольких десятков особей, и такая свора, в свою очередь, уже представляла серьёзную опасность. Миновав ещё метров четыреста, сталкеры поднялись из низины, по которой шли всё это время и вышли на асфальтированную когда-то дорогу, покрытую теперь сетью глубоких трещин. Вой, сопровождавший их на протяжении всего пути, значительно приблизился. Теперь его источник Роман смог увидеть воочию. Сквозь редкий кустарник он заметил с дюжину фигур, не спеша трусивших в их направлении. Чуть поодаль, отрезая сталкеров от ветхих строений бывшей деревни, выбегала на дорогу ещё группа слепых собак. Но в количестве гораздо большем, чем первая.

– Хреново мы попали, – сказал Роман, скидывая автомат с плеча.

Скороход заметно побледнел лицом, это было видно по ярко выступившим на нём веснушкам. Единственным местом возможного спасения была основательно сложенная из кирпича автобусная остановка. Сталкеры бегом насколько это было возможно рванули к ней. Собаки тоже прибавили ход быстро сокращая расстояние, отделявшее их от такого желанного горячего мяса и крови. Менее расторопный Скороход с тяжелым грузом в рюкзаке заметно отстал от Романа. Пыхтя, словно винтажный паровоз, обливаясь потом, он уже не надеялся успеть до спасительной возвышенности и поэтому, сорвав дробовик с плеча, решил остановиться, встретив врага в лицо.

– Не дури, – прорычал Роман и, подбежав к товарищу, дёрнул за плечо, увлекая за собой. К остановке они успели, теперь возникла другая проблема – как на неё попасть. Выдумывать способы решения этой задачи времени просто не было. Сдёрнув с плеч Скорохода рюкзак, Роман одним рывком забросил его на остановку. Следом, звякая по крыше металлом, полетело оружие. Роман, склонившись зло прокричал растерявшемуся товарищу.

– Что застыл!? Бегом залазь ко мне на плечи, потом мне руку подашь.

– Может я тебя сначала подсажу?

– Мне такого бугая не вытянуть, – свои слова Роман полностью ощутил на плечах, рыжий весил не менее сотни кило. Взгроздившись, он кое-как затянул своё тело и, лёжа на животе, протянул руку вниз.

– Давай, цепляйся, я готов!

– Я не готов! – крикнул Роман. Воздух резанула короткая автоматная очередь, сопровождаемая визгами. – А вот теперь тяни, – ободрав в кровь руку о край крыши наш герой буквально взлетел на остановку, услышав близкий клацающий звук пасти промахнувшегося в прыжке пса. Полежав секунду-другую на спине, он облегченно выдохнул. – Жить будем... – Скороход, встав на колени, сделал несколько выстрелов, сопровождаемых визгом и ревом. – Завязывай воздух сотрясать – пустое это дело, только патроны сожрёшь. Много их слишком, подождём, может и уйдут, – псы, замкнув в

кольцо, продолжили свой неспешный бег трусцой.

– Не считая убитых тридцать двух насчитал, – словно боясь быть услышанным прошептал Скорород. – Никогда такой стаи не видел.

– Мне тоже не доводилось, – Роман лёг на живот осматривая собачий хоровод.

– Тут нам хана и придёт... – не унимался рыжий. – Как этим бедолагам.

Сталкер только теперь обратил внимание, что на крыше остановки они были не одни. Две высохшие мумии полусидя, опираясь спина к спине, восседали в её центре. Повсюду россыпью валялись автоматные гильзы.

– Видимо до последнего отстреливались, – не обращая внимания на визги и поскуливания внизу, Роман, довольный тем, что жизнь у смерти получила отсрочку, весело крикнул. – Привет, бродяги! Давно сидим? Кого ждём? – валявшиеся гильзы уже ударила коррозия, окрасив медь налётом зелени. Один из покойников продолжал сжимать в руке усыпанный кляксами ржавчины пистолет «Марта». – Вижу, что давно... – освободив от пальцев мертвеца рукоять пистолета, он не без труда извлёк поржавевший магазин. – Так и думал – пустой, – на виске покойника зияла дыра размером с чернослив. Между трупами находился рюкзак. – С вашего позволения, – проговорил сталкер, особо не церемонясь поваливший покойника на бок, освобождая доступ к рюкзаку. Как он и предполагал, съестного в нём не оказалось, только

всякая походная мелочь, да пара дешёвых артефактов.

Время шло, но собаки, казалось, расходиться не собирались. Прекратив бег по кругу, они, кто сидя, кто лёжа, лениво позёвывая, продолжали ждать, изредка поднимая морды к серому небу, словно принюхиваясь проверяя, не сбежала ли их добыча. Понимая, что положение может изменить только время, Роман открыл свой рюкзак.

– Скороход, как насчёт кофе и пожрать на природе?

– Пожрать – это святое! – воспрял духом рыжий.

– Кто б сомневался, – используя спиртовую горелку, спустя полчаса, они ели разогретый рацион из мясных консервов, прихлёбывая сладким, крепким кофе.

– Красота-а-а... Я, Ром, в схроне у Копыта неделю одну кильку в томате лопал. Ничё, конечно, жрать можно, если недолго.

– Да... Братская могила – знатная жратва.

– Какая могила?

– Консервы. Килька в томате. Мы так их в армии называли.

– А-а-а... Понятно, – пробурчал с набитым ртом Скороход. – Так ты, Ром, из вояк что ли? А я то и думаю, как у тебя так ловко с оружием-то получается.

– Может и из вояк. Не помню я. Ты мне лучше расскажи, почему тебя Скороходом окрестили. На ногу ты не больно-то скор. Скорее... Ты уж извини, «Тихоход», – рыжий прыснул весёлым смехом.

– Это ты в точку попал, спринтер из меня никакой. Вообще, беготня меня напрягает. Ем я быстро и много – тут мне равных нет. И фамилия моя – Скороков. Вот пока в новичках был так и прозвали, – теперь уже отсмеялся Роман.

– Всё с тобой ясно...

Доев содержимое банки, он запустил её в лежавшую рядом с остановкой собаку, но пёс никак не отреагировал – лишь лениво повёл мордой в сторону. Дурной пример заразителен – бросок Скорохода был более удачен и банка звонко щелкнула пса по покрытой плешинами голове, отчего он подскочил и, рыча отойдя на пару метров, снова завалился на бок. Роман, положив рюкзак под голову, закурил, обдумывая возможные варианты спасения. Скороход, используя валяющиеся по всей крыше в большом количестве гильзы, используя их в качестве метательных снарядов, продолжил закидывать собак, радуясь каждому новому попаданию. «Дитё малое, только что ростом велик» – подумал о напарнике Роман. Прошло уже больше шести часов, но положение сталкеров, укрывшихся на крыше, категорически никак не поменялось.

– Вот дерьмо... Эти плешивые мешки с костями и не думают уходить, – возмущался Скороход. – Может это... Давай перебьём их что ли? Да рванём до деревни, я там схрон Васи Скряги знаю. Бункер что надо, – Роман тоже думал об этом, но логика и практика ставила под сомнение подобные решения.

– Слушай, перебивец, сколько ты собак насчитал? Больше

трёх десятков?

– Тридцать две и парудохлых, – внёс поправку Скороход. – И чё?

– Через плечо... Допустим, собак перебьём – при этом сожжём все патроны. Допустим, – продолжал рассуждать он. – Доберёмся до схрона. Схрон чей? Васи Скряги. И ты думаешь, что Васю «Скрягой», просто так кличут?

– К чему это ты? – не понял рыжий.

– Да всё к тому, что у Васи, а я его, поверь, неплохо знаю, так вот, у Васи снега зимой не выпросишь. И ты думаешь Вася для добрых людей в схроне боеприпасов оставит? Из этого следует – даже если мы доберёмся до схрона, наше положение станет немногим лучше, чем сейчас, а возможно ещё хуже. Топать нам до адреса ещё три перехода, а без патронов лучше сразу с остановки вниз башкой прыгнуть.

– И чё делать-то теперь? – в голосе Скорохода читалась паника.

– Не дрейфь, что-нибудь придумаем. Оно ведь так бывает – день ждёшь, там выстрелит. Может ещё псины передумают нас кушать и сами уволочутся, а пока и поспать не грех, – и, поправив под головой рюкзак, сталкер, закрыв глаза, действительно постарался уснуть.

Тёплое летнее солнце, преломленное оконным стеклом, небольшим зайчиком скользнув по шторам, спустилось на лицо Романа. В небольшой спальне он лежал на добротной кровати, выполненной из массива дуба. Запах полевых цве-

тов из вазы на столе разносил ни с чем не сравнимый мягкий аромат. Вставать не хотелось, он чувствовал мягкую истому утреннего пробуждения и не торопился покинуть уют своего ложа. В соседней комнате послышались лёгкие шаги и мягкий женский голос произнёс:

– Ромка, соня, вставай! Время десять часов, – Роман молчал, тихо улыбаясь, стараясь продлить идиллию счастья. – Ах ты так! Хорошо, я тебя сейчас сама подниму, – Роман чуть прикрыл глаза, ожидая, когда его придут будить, но то, что он увидел сквозь закрытые веки, ввело его в шок – вместо мягких шагов раздался громкий топот. Своротив массивный стул, стоявший возле двери, в комнату влетела огромная псевдособака. Таких больших ему в Зоне видеть не приходилось. Проскочив мимо кровати, пёс, развернувшись на одном месте, рванул к изголовью. Громко рыкнув, псеводпёс, словно улыбаясь, приоткрыл пасть, обнажив чудовищные ножи клыков. Убегая из ужаса сновидения в реальный мир Роман услышал:

– Барбос, бандит, а ну на улицу!

После пробуждения его лоб покрывал холодный пот. Рюкзак вместо подушки, холодная кирпичная крыша вместо кровати, и вместо приятного женского общества – конопатая рожа толстяка Скорохода. На физиономии напарника читалось явное волнение. Роман и сам где-то глубоко, шестым чувством, ощутил пока ещё непонятную перемену. Собаки были на месте, но теперь они не лежали, терпеливо дожи-

даясь своих жертв, а скуля двигались вокруг остановки. Бег их становился всё быстрее. Казалось, что они сами пытаются вырваться из строго очерченного кольца круга. Пока Роман спал, произошли ещё изменения, которых он сразу не заметил. Почему-то так случилось, что в Зоне единственной птицей оказалась ворона и тех самых ворон в данное время и в данном месте оказалось аномально много. Они тоже кружили над головой в некоем подобии круга. Ветер абсолютно затих и промозглость осеннего вечера сменилась душным теплом, пропитанным запахами прелой листвы и гнилью поваленных деревьев. Подобное изменение погоды сталкер уже видел, и всё это не предвещало ничего хорошего.

– Ромка, хана нам по-моему! – шёпотом, словно опасаясь быть услышанным, промолвил Скороход. Подтверждая худшие опасения, пискнул наладонник. Сталкер быстро прочел короткое сообщение: «приближается выброс».

– Сам вижу... – на горизонте небо из серо-синих туч окрасилось густой жирной чернотой, которая неумолимо двигалась в сторону сталкеров. Собаки из лёгкой трусцы перешли в быстрый бег, оглашая воем и визгом всю округу. Наконец, придя к решению, Роман подобрал автомат, передёрнул затвор.

– До Васиного схрона сколько? – Скороход, поняв намерения товарища, тоже подхватил дробовик, дослав в патронник пару зарядов.

– По прямой метров триста, но по прямой нельзя – там

на дороге трамплин, а за ним электры, пара штук, так что только вокруг, это ещё метров триста, а то и с лишком.

– Ясно... – прикинул Роман. – Короче, будем считать, что километр. Объяснять долго, делай как я, – и он вжал спуск АК-47.

Экономные короткие очереди, дробя головы и тела, выхватывали псов из заколдованного круга. Глухо захлопал SPAS-12 Скорохода, сея крупной картечью опустошение в собачьем хороводе. Обычно, понеся такие потери, псы пытались скрыться или, по меньшей мере, отступить, но в этом случае они лишь плотнее сжали круг, закрывая образовавшиеся прорехи. В черноте надвигающихся туч, перекатываясь густыми, кисельными хлопьями, проглядывались багровые облака. Всполохи вертикальных молний, сопровождаемые гулкими раскатами грома, метили землю. Сквозь грохот приближающегося выброса Скороход прокричал.

– У меня патронов последняя коробка! Перезаряжаюсь! – Роман тоже с тоской подметил, как быстро пустеет разгрузочный жилет от полных автоматных магазинов. Меня очередной рожок, он краем зрения заметил, что один из псов в хороводе не участвовал, а сидел чуть поодаль, на небольшом пригорке и вёл себя как сторонний наблюдатель.

– Псионик. Точно он, сволочь, – пёс, взяв под контроль стаю, заставлял их вести эту смертельную карусель. Не задумываясь больше ни на секунду, Роман от бедра, почти не целясь, пустил длинную очередь. Счастье ему сегодня благово-

лило. Пули грязными фонтанчиками подняли землю рядом с псом-псиоником. Несколько из них угодили в него – в грудь и голову. Подпрыгнув на месте, пёс упал замертво. В ту же секунду собаки, разбив круг, рассыпались в разные стороны, стараясь, как и любое существо Зоны, поскорее скрыться от выброса. Скороход ошарашено глядел то на собак, то на снайпера.

– Что очи вылупил? Жопу в горсть и бегом! – рыжий и сам понимал, что для вопросов не самое лучшее время. Накинув на плечи ремни рюкзака, спрыгнул с остановки. Роман прыгнул вослед, чуть не угодив на возившегося внизу товарища. – Что растележился, бегом давай! – гром гремел уже совсем рядом, закладывая уши гулками раскатами. Во взгляде Скорохода читалась обречённость.

– Уходи, Ром, я не могу, мне кажется, я ногу сломал.

– Я тебе щас голову сломаю, вставай давай! – Скороход, опираясь на стену остановки, поднялся на ноги, приступив на поврежденную ногу скривился от боли.

– Не могу я, Ромка. Рюкзак бери и уходи, я тут останусь. Только ты это, после выброса вернись, и бошку мне прострели – не хочу я по Зоне зомбаком бродить. Сделаешь, а?

– Я тебе прямо сейчас бошку прострелю, – разозлился Роман. Стянув рюкзак с плеч рыжего и, накинув ношу на себя, он жёстким взглядом, не терпящим возражений, сказал. – Делаем так...

Вскоре они быстро, насколько это возможно, двигались

к схрону Васи Скряги, используя короткий путь. Скороход, опираясь на плечо Романа, явно испытывая сильную боль, причитал:

– Рома, ты сумасшедший! Мне всё одно – хана. Ты и себя погубишь, не пройти там! Аномалии одна на другой.

– Молчи, силы береги, авось найдём лазейку.

За Романом уже многие сталкеры замечали, что он мог безошибочно выбрать нужный путь в аномальных скоплениях. Сторожилы часто ему говорили: «Зона тебя любит, вот и дар тебе дала». Сам он никакого дара не ощущал, для него было обычным чувствовать границы аномалий, и это ни раз спасало его жизнь. Вот и теперь он отчетливо чувствовал приближение к аномалии. Только это был не трамплин, как говорил Скороход, а мясорубка – такая же, не менее скверная. Рядом же в действительности притаившиеся электроны, набираясь энергии от выброса, словно сияющей паутиной закрыли почти весь проход и лишь небольшой участок не более метра давал возможность беглецам их миновать. Двигаясь по ориентиру, намеченному Романом, сталкерам удалось миновать смертельную ловушку. К подвалу Васи Скряги добрались буквально за несколько минут до выброса. Благо, что никаких хитроумных приспособлений, замков и прочих охранных мер на двери не имелось. Это был обычный погреб, под одним из покосившихся, но всё ещё не разрушенных домов. Подняв увесистую крышку притвора, Роман, не церемонясь, столкнул Скорохода в темноту образовавшегося

зева, и, не обращая на его громкие стенания никакого внимания, буквально съехал вниз, больно пересчитав локтями и коленями ступени стоящей почти вертикально лестницы, при этом наступив рыжему на повреждённую ногу. Быстро вскарабкавшись наверх, он ухватил люк за притвор и, спускаясь вновь, плотно закрыл вход. Казалось, разряд молнии ударил прямо в дом. Гулкий шум со скоростью лавины прокатился над головой, ударив в мозг пронзительной болью. Роман, потеряв сознание, рухнул вниз.

Тор восседал на каменном троне, расположенном на значительном возвышении. В зале просто циклопических размеров сотни факелов, тянувшихся вдоль стен, терялись вдалеке маленькими, едва различимыми искорками. В огромной руке он держал золотой кубок. Безучастно рассматривая искусную резьбу на его стенках. Он был зол.

– Знаешь, Свенсон... Когда-то, в славные времена, тут бывали лихие пиры, и лучшие воины вели рассказы о славных победах. Прекрасные валькирии прислуживали нам, подавая крепкие вина, собранные из плодов душ падших воинов, и пиру этому не было конца. А что теперь? Где друзья мои? Их нет. И всё потому, что напиток, дарующий нам жизнь, почти иссяк. И я... Тор громовержец – Бог этих жалких людей, должен довольствоваться тем малым, что ты в состоянии для меня добыть, – Тор посмотрел на мерцающую в кубке жидкость. Одним глотком осушил содержимое и с размаху запустил кубок в куратора. – Ты обещал мне больше! –

проревел он.

Увернувшись от летящего предмета, объёмом не менее большого церковного колокола, Свенсон подошёл к Тору. И, хоть рост его для нормального человека был выше среднего, голова Свенсона была на уровне колена сидящего на троне великана. Ни один мускул не дрогнул на лице слуги.

– Тор, поверь, мы стараемся, чтобы Вальгалла вновь принимала своих славных воинов за богатым столом и вечным пиром. Копии кураторов собирают силу душ во многих мирах и параллелях, где знают твоё имя. Люди, у которых мы черпали в былые времена силу душ, обмельчали. Удар твоего молота, который они называют «выброс»... От него мало проку. Люди научились скрываться от неизбежного. Потому-то твой кубок полупустой. Но будь уверен – мы это исправим. Будет большая война и сила душ многих воинов, павших в бою, вновь наполнит его, – морщины на лбу великана слегка расправились.

– Пусть будет так, куратор... Или я начну собирать силу душ с твоего народа, – Свенсон молча поклонился.

– О том мне известно. Мой народ не так велик числом, как люди. Высоко развитый технологический уровень нашей цивилизации в разы превосходит человеческий. Они стали ленивы и слабы, как и их души. Поэтому проку от душ моего народа будет мало, словно это слабый эль, в сравнении с крепким вином людской силы душ, – Тор с презрением посмотрел на Свенсона.

– Это всё потому, что не мы были вашими богами.

«Вы ими никогда и не будете» – зло подумал Свенсон и, поклонившись, удалился.

Придя в себя Роман не сразу сообразил, где находится. Тупая боль саднила затылок, вокруг крошечная тьма, где-то сверху ещё ухали раскаты удаляющегося грома. Поднявшись на четвереньки, он, пошарив вокруг, нашел лишь пустоту.

– Идиот... – подумал сталкер, нашарив в кармане разгрузки фонарь. Яркий луч резанул по стенам, пожирая мрак тёмного помещения. Поднявшись на ноги, Роман шагнул вперёд, едва не наступив на Скорохода. Тот тоже начал приходить в себя. Выпучив глаза на свет, упёршегося в него луча он, громко застонав, согнулся в конвульсиях накатывающих спазмов.

– Дерьмо... Дерьмо! – повторял рыжий между приступами рвоты.

Роман, осознав, что их опасный замысел удался, широко улыбнулся.

– Скороходик... Морда! Ты не зомбак?

– Сам ты морда! На ногу мне спрыгнул, гад! Я от боли чуть в штаны не наклал, а ты ржёшь как конь! – его снова вывернуло.

– Вот теперь вижу, что не зомбак. Потерпи чуток, лапу твою подлатаем.

– Угу... – промычал рыжий и снова согнулся в приступе тошноты.

– Жрать меньше надо перед выбросом, загадил теперь тут всё. Насрать на твоё боевое увечье, убирать своё добро сам будешь, – без злобы проворчал Роман. – Давай уже, доблёвывай, и будем обживаться.

– Да пошёл ты, – фыркнул Скорород, утирая рот рукавом. Наскоро обследовав схрон, Роману удалось отыскать на половину заправленную керосиновую лампу, легендарную летучую мышь. Даже тонкое стекло отражателя оказалось целым, что само по себе встречалось крайне редко. При помощи металлического колёсика, расположенного с боку лампы, он выдвинул язычок войлочного фитиля и, предварительно встряхнув керосинку, чтобы горючее пропитало сам фитиль, поднёс к нему горящую зажигалку. Свет, сначала слабый, пробежался причудливыми тенями по стенам, наконец огонёк, получив достаточно топлива, разгорелся в полную силу, осветив их временное пристанище. Оно оказалось просторным, превосходя на добрых метра три, перевалочный схрон Романа. Обстановка ничем не отличалась от большинства временных убежищ, разница заключалась лишь в том, что топчанов было на пару больше, чем в схроне Романа, да стол чуть длиннее. Хозяина схрона окрестили Скрягой, видимо не из-за жадности, а скорее из-за его не здоровой рачительности. В углах и на полках помещения чего только не было. От жизненно нужных вещей, до всякого барахла, скиданного буквально кучами. Приятным бонусом в осмотре всего этого богатства в понимании простого бродя-

ги зоны ЧС, Роман в одном из ящиков обнаружил дюжину армейских сух пайков, запаянных в пластиковые упаковки. Рядом, в потрёпанной картонной коробке хранилась тушёнка в металлических банках, обильно смазанных простым солидолом. Не заморачиваясь изучением сроков годности, он с довольным видом водрузил всё это на стол, и лишь сейчас заметил небольшую записку, прилепленную к крышке одной из банок: «Если ты не в нужде... не трогай... руки оторву. Имеешь лишнее – оставь другим, кому оно нужнее. Василий». Лично с Васей Скрягой Роману пересекаться не доводилось, но в глубине души он заслужил искреннее уважение сталкера. Звуки прошедшего выброса полностью затихли, оставив в телах его переживших, вялость и ломоту, как случается после гриппа. В подтверждение пискнул ПДА, выветив на экране надпись: «Выброс завершён. Всем лёгкой дороги».

– Кстати о дороге... Скороход! Давай осмотрим ногу, – Роман помог причитающему Скороходу стащить берц с ноги и, внимательно её осмотрев, вынес свой вердикт. – Перелома точно нет. Просто сильное растяжение. Сейчас вколем тебе обезбол, помажем всяким спасительным дерьмом, наложим тугую повязку и с утра ты будешь как новый гривенник.

– Ты уверен? – засомневался Скороход, разглядывая опухшую ступню.

– Так и будет... если прыгать на ней не будешь.

– Да ты охренел... я на неё наступить не могу, не то, что

прыгать, – Роман улыбнулся.

– Это я тебе про завтрашний день говорю, и спасительным дерьмом тебя ещё не мазали...

– Может это... без дерьма обойдёмся? – глядя на сомнительного вида мазь в обычной, из-под тушёнки, банке, которую извлёк из своего мешка Роман, с сомнением в голосе просипел Скороход. – И это... она... мазь эта, действительно говном воняет... Может лучше по-простому, просто водочкой изнутри болячку залечим?

– Ну я же тебе и говорю, дерьмо... – обильно накладывая мазь на ступню, хохотнул Роман. – Но дерьмо волшебное, ты уж поверь... К тому же я тебе его не на хлеб намазываю, а на ногу.

– Что, правда говно? – Скороход попытался выдернуть из крепких ладоней ногу.

– Ну да... так и есть... дерьмо молодого Бюрера. Так мне Валдай, когда мазь отполовинивал, сказал. Ну и ещё какая-то хреновина типа растёртая прямая кишка зомбака и блевотина Химеры, – глаза Скорохода готовы были выпрыгнуть из орбит.

– Да ну нахрен!

– Точно говорю... Там ещё что-то есть, но я всё не запомнил...

– Ты сам-то это дерьмо на себя когда-нибудь мазал?

– А мне зачем? Случая не было. Вот сейчас и проверим...

– Скороход, сдерживая рвотные позывы, побледнел. Роман,

глянув на него, рассмеялся.

– Да шучу я... Это трава Сивер, что на болотах дальних растёт, антибиотики и обезболы в комплексе. Вот эта самая травка дерьмом и припахивает. Так что сиди, болезный, не дрыгайся, – Скорород громко сглотнул.

– Ну и шуточки у тебя.

Когда все медицинские манипуляции были проделаны в полном объёме, Роман оставил Скоророда на хозяйстве, решил покинуть схрон и осмотреться. Откинув крышку люка, он полной грудью вдохнул свежий, словно отчищенный выбросом, с лёгким запахом озона, воздух. На улице начало смеркаться. Тени, отбрасываемые развалинами домов, удлиннились, переплетаясь между собой. Сталкер присел на небольшую кучу сложенных кирпичей, порывшись в кармане разгрузки, извлёк помятую пачку сигарет и закурил. Размышления в его голове были не самые приятные.

– Сроки доставки груза вряд ли будут выполнены, – думал он.

Нападение собак, выброс и травма Скоророда задержали его как минимум на сутки. Имей он сумасшедшее везение и то не факт, что успел бы к назначенному сроку. Докурив сигарету до самого фильтра, он бросил окурочок и вернулся в убежище. Скорород, прыгая на одной ноге, заканчивал приготовление ужина. Плотно поев, сталкеры решили лечь пораньше спать. Притушив лампу на самый минимум, Роман скинул разгрузку и надоевшие за день берцы, с удовольстви-

ем натруженного человека вытянулся на топчане. Больше не пытаясь анализировать прошедший день, он, словно в омут, провалился в сон. Ему снилось пшеничное поле. Он брёл в этом океане солнечных колосьев, слушая их успокаивающий тихий шелест. Рядом шла она... Роман силился рассмотреть лицо, но всякий раз солнце слепило глаза. Лишь ореол светлых волос и мягкое прикосновение руки.

– Ромка! Милый! Как же тут красиво... – и снова этот чёртов пёс, появившись неизвестно откуда, прыгнул ему на грудь оскалив клыкастую пасть у самого лица. Роман проснулся.

– Вот гадина какая... Такой сон испортил.

ПДА показывал ровно три утра. Сколько Роман потом не пытался уснуть, ворочаясь с боку на бок, сон так и не пришёл.

– Доброе утро, псина паршивая, чтоб тебя в твоём собачьем аду блохи до скончания времён жрали. Кабы сдох су-тулуй, – выругался сталкер, окончательно потеряв желание вернуться в мир Морфея.

К семи часам всё оружие, включая дробовик Скорохода, мерно похрапывающего на соседнем топчане, было вычищено до стерильного состояния. Кофе сварен, тушёнка разогрета, снаряжение проревизировано на несколько рядов и даже в схроне более-менее прибрано. Ровно в семь тридцать Роман подошёл к Скороходу. Здоровяку, в отличии от Романа, снилось что-то хорошее. Он широко улыбался своей детской

наивной улыбкой и струйка слюны, скатившись по розовой в веснушках щеке, поблёскивала в свете лампы.

– Вот гад... и во сне чего-то жрёт, ишь слюни распустил. Вставай, грешник! – громко крикнул Роман. Скороход подскочил, словно ему за шиворот налили кипяток, выпучив по обыкновению на Романа свои глаза, продолжавшего вещать... – Ибо чревоугодие... есть, один из тяжких грехов...

– «Чрево» чего?

– Обжорство, мой мягкий друг, вот чего. Рожу умывай, будем завтракать и лечиться.

– Пожрать это хорошо... Лечиться не хорошо, – опуская ноги на пол, пробурчал Скороход. К его большому удивлению, повреждённая нога не болела и опухоль тоже спала. Он аккуратно встал, ожидая, что боль вернётся, но ничего подобного не произошло. – Ромка! Не знаю каким ты меня дерьмом намазал или ты волшебник, но прикинь, я как новый... хоть сейчас в дорогу, – Роман усмехнулся.

– Ну да, Мерлин, ёштыть. Ты ещё тест драйв устрой... Садись давай, ещё раз осмотрим.

Скороход не сопротивлялся и покорно выставил ногу. Втерев очередную порцию зловонной мази и наложив тугую повязку, Роман критично осмотрел проделанную работу.

– Вечером ещё раз повторим и тогда точно будешь как новый. Скороход, морщась от обильно распространяемого запаха лечебного средства, благодарно кивнул.

– Воняет, Ром, словно бомжи с похмелья под носом по

большому сходили... но помогает конкретно. С обычными лекарствами наверняка неделю провалялся бы, а тут ночь и всё... Ты это... Мне рецепт потом расскажешь, ну, в смысле, из чего она, эта мазь сделана, а то ты мне вчера наговорил всякого, что лучше бы и не знать, – Роман усмехнулся.

– Вот тогда и не спрашивай.

– Да тогда лучше и не говори, – поспешил согласится Скороход.

Плотный завтрак закрепили хорошо сваренным кофе и начали собираться в дорогу. Из схрона Васи Скряги позаимствовали пару сухпайков, бутылку воды и несколько банок тушёнки. Для дробовика Скорохода ничего не нашлось, а вот семёрки для АК Романа было в достатке, чему он был очень рад и не преминул воспользоваться, набив все автоматные магазины, и прихватил сотни две россыпью. Чтобы не чувствовать себя обязанным, он извлёк из своих вещей пару артефактов, прихваченных у покойников на остановке, не очень ценных, но и не дешёвых. Их стоимость полностью, даже с лишком покрывала стоимость взятого у Скряги имущества.

– Что, Скороходик...! Присядем на дорожку. Нога у тебя ещё слабая, так что хабар заказчика несущая. До стоянки у камней ходу часов пять, это, конечно, если без проблем всё обойдётся. Укрытия там нет, – продолжил он. – От камней до старой базы вояк ещё часа четыре топать. Там если что и заночуем, – Скороход молча кивал, соглашаясь с планом

Романа. – К базам вояк двинем через пьяный лес. Бывал в тех местах?

– Не приходилось, – честно ответил Скороход. – Слышал только, что места там гиблые и тварей немерено. Может, лучше вдоль железной дороги?

– Не может, – отрезал Роман. – Пьяным лесом мы пол дня отошьём. Заказ по срокам и так горит. Так что идём Пьяным лесом. С боеприпасами на твою артиллерию туговато, зато, спасибо Скряге, на мою в достатке. Так что, Бог даст, на дорогу хватит. Если что пойдёт не по плану, встретимся у водонапорной, ждём до утра, а там по обстановке.

Уже второй час Сталкеры двигались к намеченной точке. Роман лишь изредка поглядывал на экран датчика аномалий, ни раз подметив, что прибор запаздывал, либо вообще не показывал затаившуюся беду и лишь благодаря опыту и неизвестно откуда полученному дару, он вовремя замечал характерные маркеры для той или иной аномалии.

– Барыга, сука... У меня датчик аномалий в ПДА, не из худших и совсем не из дешёвых. А тупит как отмычка в первой ходке. Потому новички пачками и гибнут, надеясь на свои наладонники, впаренные им этими торгашскими рожками, с заверением лучшего качества и цены, – размышлял Роман, обходя стороной очередную Жарку.

Скороход, полностью уверенный в опыте напарника, по поводу пути следования вообще не заморачивался, лишь изредка поглядывая назад. Его мозг свербил другой вопрос...

от чего в зоне природа словно застыла в климатическом режиме осень.

– Ни снега тебе, с Новым годом, ни масленицы... Да... масленица... обалденный праздник. Пышные блины со сметаной, мёдом... Новый год тоже... Мандарины, оливье... Эх, – вздохнул Скороход, поспешил догонять оторвавшегося вперёд Романа и чуть не ткнулся носом в резко остановившегося напарника. Роман, не говоря ни слова, присел на одно колено и, прижав приклад автомата к плечу, стал сквозь прицельную планку изучать кустарник, редко росший метрах в двухстах перед ними. Скороход тоже присел и медленно снял дробовик с плеча, пытаясь разглядеть, что так насторожило товарища. Роман, продолжая дублировать свой взгляд автоматным стволом, тихо ответил.

– Не что, а кто... Смотри, на одиннадцать часов и на четыре, – внимательно взглядевшись, Скороход тоже сумел разглядеть едва мелькнувшую фигуру. Роман, продолжая отслеживать цель, тихо, словно его могут услышать сказал. – Скороходик! Сдаётся мне, что это по нашу с тобой душу. Ты главное не дёргайся. Видишь кочку справа?

– Это не кочка, это пень.

– Да какая нахрен разница... Пень ещё лучше. Падай за него и не отсвечивай. Всё одно от дробовика толку не будет, расстояние большое, а я с этими любителями игр в прятки сам поработаю. Ну что, готов? – Скороход кивнул. – Тогда давай, – и сам метнулся в не глубокую яму, образовавшуюся

от вывернутых корней поваленного дерева.

Мгновение спустя, на расстоянии вытянутой руки, вскипел земляной бурунчик, почти одновременно с хлестким хлопком, напоминающий щелчок хлыста. «Из СВД бьют...» – Роман этот звук знал хорошо. Лишь снайперская винтовка Драгунова издавала при выстреле такой звук, за что была прозвана в солдатской среде плёткой.

– Илюха! – крикнул Роман, уйдя перекатом чуть в сторону. – Грязно работаешь... У меня с тобой дел никаких. Давай разойдёмся берегами, и я про этот выстрел забуду, посчитав его небольшим недоразумением.

Снова хлесткий щелчок и кусок корня от поваленного дерева, за которым недавно лежал Роман, отлетел в сторону. Минуту стояла давящая на уши тишина.

– Лады, давай разойдёмся, – послышался голос из кустов ориентировочно на одиннадцать часов. – Значит, снайпер находится правее, – понял сталкер. – Ты можешь уходить... тебя валить мне без надобности, – снова прокричал Илюха. – Оставляй ствол, хабар и толстого, и можешь валить куда топал. У меня с толстого спрос. Он брата моего завалил и ещё человека хорошего, а твоё барахло... так, компенсация за потраченное время.

– Это понятно, – тянул время Роман, выискивая в кустах лёжку снайпера. – С толстым разобрались... а вот ствол мой с хабаром причём? Не от него твои люди погибли, и хабар... не твоих людей и даже не мой.

– Ошибаешься, сталкерок... – снова прокричал Илюха Матёрый, но уже значительно ближе. – Ты знал с кем идёшь. И про наше с ним, скажем так, недоразумение тоже наверняка в курсе. Мы, чтобы этого говнюка рыжего найти порядком по зоне нашагали и потратились тоже не хило, так что твой ствол и хабар вроде как в уплату долга пойдут за твоё скудоумие, что толстяка с собой взял. К тебе лично у меня вопросов не имеется, так что оставляй добро и уходи пока я не передумал.

Времени, пока Матёрый разглагольствовал, Роману наконец хватило, чтобы вычислить снайпера, занявшего позицию между двух деревьев, метров двести правее от Илюхи. Захватив в прицел чуть шевельнувшуюся кучу листвы, плотнее прижав приклад автомата к плечу, сталкер громко крикнул.

– Видишь ли, Илюха, в чём проблема, как-то мне всё это дерьмо, что ты предложил, не по душе, – и вжал спусковой крючок. Секундой позже куча листвы, куда ушла пуля, вздрогнула и затихла.

– Что ж, ладно, сталкерок, ты свой выбор сделал, – проорал наёмник. – Днепр! Вали его... Заболтались мы что-то.

Выстрела не последовало. Днепр с аккуратной круглой дырой во лбу и развороченной черепной коробкой в области затылка лежал именно там, где и предполагал Роман.

– Ушёл твой Днепр...

– Куда ушёл?

– Что не в рай это точно, наверное, в сауну к чертям по-

дался.

– Сука-а-а, – переходя на визг прокричал оппонент, но точно не Илюха. – Матёрый...! – продолжал вопить наёмник. – Он, падла, Днепра завалил. Я тебе, сталкерюга, кишки зубами вырву... Я тебе... – закончить вещать о всех способах расправы наёмник закончить не успел.

Роман почти наугад дал короткую очередь на голос. Все пули кроме одной, ушедшей рикошетом от ствола дерева, угодили в живот укrywшемуся горлопану и обещание по поводу вырванных кишок сбылось, только с точностью наоборот. Взвыв дурным, нечеловеческим голосом, наёмник согнувшись завалился в жухлую листву, стараясь скрюченными болью руками вернуть содержимое своего живота на прежнее место.

– Ещё минус один, – подумал Роман, укrywаясь за поваленным стволом. В ответ послышалась беспорядочная стрельба. Огонь вёлся не прицельно, длинными очередями. Пули, цокая и повизгивая, летели по обширной площади. Стрелял всего один автомат.

– Ну вот и спёкся голубчик, задёргался... – недобро улыбнулся сталкер, передвигаясь от укрытия к укрытию, сокращая расстояние к месту, где лежал убитый снайпер. Матёрый, не контролируя себя в припадке злобы, израсходовал ещё один магазин патронов. Этого времени Роману как раз хватило добраться до убиенного Днепра. Подхватив винтовку из ещё тёплых рук покойника, он приник глазом к оптике

СВД. Стрельба затихла.

– Эй, сталкер! – после минутной паузы подал голос Илюха. – Ты это... Давай вернёмся к началу разговора, – Роман молчал. – Слышь, ты живой там или где? Голос подай, а то я, может, с покойником говорить собрался, – не дожидаясь ответа, наёмник продолжил. – Планы, брат, поменялись. Давай, действительно, берегами разойдёмся? Ты с толстым – своей дорогой, а я – своей потопаю. Чо молчишь?

– Скороход! – крикнул Роман.

– Чё за Скороход?

– Говорю, Скороходом его зовут.

– Ишь ты, «Скороход»! Да пусть хоть «Вездеход», мне на-срать! Ну так чо, сталкерок, договорились?

Роман сместился ещё метров на десять, заняв более удобную позицию между двух небольших кочек.

– У меня, Илюха, тоже слегка планы изменились. Делаем, значит, так... Ты выходишь из кустов, бросаешь ствол и уходишь. Мы тоже топаем своим путём.

– Да ты чо, мужик! Как же я по Зоне без ствола пойду?

– Ну, ты же нам первый такой вариант предложил? – парировал Роман.

– Да ну нахер... Не катит такой расклад.

Роман уже заметил движение в кустах.

– Ну тогда, значит, берегами не получится... – слышно было как за кустами громкой ненормативной лексикой Илюха выражает свои эмоции.

– Ладно, сталкерок, будь по-твоему. Но ты обещаешь без лажи, просто тихо расходимся?

– Слово даю.

– Слово, брат, как-то маловато будет!

– Ну, как хочешь, других вариантов не будет, – ещё несколько раз цветасто выругавшись Илюха сдался.

– Добро... Я выхожу, но помни – обещал... – кусты зашевелились и вскоре показалась фигура с поднятым над головой автоматом. Наёмник вышел на поляну. – Эй, сталкерок, я вышел – сам-то покажись.

– Сейчас. Ты сначала ствол на землю положи, – наёмник сделал ещё несколько шагов и теперь его можно было полностью разглядеть.

– Всё, бросаю, – и, подтверждая свои слова действием, кинул автомат на землю. – Ну чо, я пошёл?

– Иди, – ответил Роман, сведя точку прицела со лбом наёмника. Хлопок плётки и Илюха, по киношному взмахнув руками, завалился на спину. – Пусть твоя дорога будет легкой, Илюха, – с грустью в голосе сказал Роман и вышел на поляну. – Скороход! Выползай, вояка, война уже закончилась!

Скороход поднялся из-за пня, где и пролежал всё это время. Лицо его было мертвенно бледным. Подойдя к Роману, он, как бы исподтишка, зыркнул в сторону, где лежал ныне покойный Илюха Матёрый. Согнулся, словно получил удар под дых – его мутило.

– Экий ты у нас мнительный. Сопли подбери, и так вре-

мении много потеряли, ещё топать и топать, – сработало забытое самомнение Скорохода. Вытерев рот рукавом куртки, он, с неким испугом посмотрел на компаньона.

– Это неправильно...

– Что «неправильно»?

– Это неправильно... – уже более твёрдым голосом повторил Скороход. – Ты обещал ему, что отпустишь. Он ведь автомат бросил и ушёл бы просто... А ты его...

– Слышь ты, мать Тереза долбаная, – сталкер с силой дёрнул Скорохода за ворот куртки. – Ты уже раз отпустил его, когда дружков положил... И теперь не тебе, а мне пришлось твоё дерьмо расхлёбывать. Здесь тебе не кружок юного туриста – тут Зона. Неужели ты думаешь, что Илюха действительно решил всё это дело на тормозах спустить? Наверняка уже подмогу вызвал, а я тут вместо того, чтобы веселей ноги уносить, стою и слушаю скулёж. Или ты мне что-то не договариваешь? – столкнувшись взглядами, Скороход отвёл глаза в сторону.

– Всё было как я тебе рассказал, ну или почти всё.

– Ясно, что нихера не ясно. Ладно, потом потолкуем, – отпустив воротник Скорохода, Роман направился к труп. Как он и предположил, Илюха, прежде чем выйти на поляну, через ПДА запросил подмогу. И, судя по ответу, к нему уже спешила группа некоего «Грога» в количестве пяти человек. Время до контакта – сорок минут. – Непростой ты гусь был, Илюха, – быстро осмотрев труп, Роман повеселел. – Ну, хоть

что-то.

Илюха тоже пользовался старым, надёжным АК 47, калибра 7x62, и на патроны не жадничал. Пять снаряжённых магазинов переключало в разгрузку Романа. В кармане рюкзака оказалась пара гранат Ф-1, фляга со спиртом и пара сухпаёв НАТО-вского образца. Роман, не раздумывая, переложил в свой РД, за исключением одной гранаты. Сорвав чеку, он поднял руку покойника, и, сунув гранату ему подмышку, вернул её в прежнее положение.

– Без обид, Илья, не знаю, как по батюшке. Ты у нас, теперь, вроде как, на сигнализации. Глядишь так хоть одно доброе дело сделаешь за всю свою жизнь, пусть даже и после её окончания.

За всеми этими манипуляциями на месте, где его оставили, молча наблюдал Скороход.

– Чего стоим, кого ждём? – Скороход, вздрогнув, вышел из оцепенения.

– Что делать?

– Муравью хрен приделать, я тебе это уже, кстати, говорил. Топай до кустов, – Роман указал рукой направление. – Там жмур лежит, забирай у него автомат, патроны... Короче, разберёшься и бегом ко мне. С дробовиком много не навоеуешь. У нас, Скороходик, скоро гости намечаются. Потому засиживаться не с руки...

Пока Скороход занимался узаконенным в Зоне мародёрством, Роман перераспределил груз в своём рюкзаке и раз-

грузке. Веса значительно прибавилось, так как он решил прихватить СВД с комплектом боеприпасов, прицел ПСО-1, и коллиматорный прицел для автомата. Не постеснялся забрать подствольник и с десятков гранат ВОК-25. Крепление под подствольник и прицел, типа «ласточкин хвост», у Романа были, но времени на установку не хватало, поэтому модернизация была отложена на потом. На поляну вернулся Скороход с новеньким АК-102 калибром 5x45, с полным фаршем модификаций и заметно потолстевшим рюкзаком.

– Как прошёл грабёж?

– Нормально... «пятерки» шесть магазинов, рассыпухой ещё сотни полторы, ВОГ-ов семь штук.

– Не по-детски ребятки снарядились, – удовлетворённо сказал Роман. – А теперь жопу в горсть, и резвой трусцой за мной. Если кто спросит, то мы геологи.

– Кто?

– Так, никто, это шутка такая. Как нога?

– Вроде норм.

– Ладно, если так. Идём как планировали. Остановка – стоянка у камней, – и, больше не говоря ни слова, Роман зашагал, не оборачиваясь.

III глава

Свенсон уже и не мог припомнить как долго он являлся куратором у восьми параллельных миров «землян», как они

себя называли. Он не знал кого ненавидит больше – людей, занимающих одну из низших рас, служивших энергетическим топливом, проще говоря, батарейками для высших созданий, или самих Богов. Но, при всём своем величии и могуществе, связующим звеном между ними, были именно кураторы. Раса, занимающая промежуточное звено между низшими и высшими. Без них, кураторов, весь этот механизм не работал, словно часы без маятника. Энергия для жизнеподдержания высших являлась субстанцией удивительного порядка, состоящая из эмоциональных всплесков рождения и смертей низших. И, в меньшей степени, от сильных эмоциональных проявлений в виде чувств, таких как ненависть, любовь и так далее. Кураторам приходилось буквально лезть из кожи, изобретая религиозные культы, выступая в качестве мессий, коими на протяжении долгих времён они и являлись. Люди как дети и каждая новая игрушка либо надоедала и забывалась, либо просто ломалась и кураторам снова приходилось изобретать что-то новое. В природе низших было высоко культивировано чувство превосходства над другими, что неизбежно при незначительной помощи кураторов, приводило к жестоким войнам с многочисленными жертвами, чего и требовалось кураторам для получения той самой субстанции жизненной силы для высших. Когда-то в незапамятные времена сами кураторы являлись низшей расой и питали высших своей энергией. Теперь они стали мудрыми и нашли себе замену в лице человечества. Но и люди раз-

вивались семимильными шагами, теряя интерес к первобытным, жестоким играм. Соосно дню сегодняшнему кураторам пришлось повернуть титаническую работу, создав несколько параллельных миров, собирая в них, словно кроликов на убой, людей, готовых терять свои жизни, проливая кровь своих соплеменников и гибнуть самим в аномалиях, от когтей и клыков биологически созданных монстров, и поисках бесполезных, с точки зрения кураторов, богатств. Этими мирами и были «Зоны Отчуждения», в версиях лишь немногим отличных друг от друга. Всех подобное мироустройство вполне устраивало, ничто не бывает идеальным, так и в этом. Из числа низших или сталкеров, стали выявляться некоторые индивидуумы, способные перемещаться в этих самых параллельных мирах, нарушая выработанный баланс. Таких сталкеров, или, как их называли, «призраков», были единицы, и они максимально быстро устранялись, становясь просто легендами Зоны. Одним из таких «призраков» был Роман. Именно его курировал Свенсон, пока после очередного перемещения он был неопасен. Так как при переносе в новый параллельный мир память его была утрачена, к тому же, субстанция жизненной силы с помощью этого сталкера добывалась регулярно много. Но не это главное – именно этот сталкер был козырем в рукаве Свенсона. Он мог разрушить параллели между мирами, тем самым лишив старших, или Богов, той самой жизненной силы, отчего те, если не погибнут, то ослабнут настолько, что кураторы смогут с ними

справиться и сами станут высшей расой существ. Об этом Свенсон мечтал больше всего. Мечтал и боялся. Так как не был до конца уверен в том, что его поддержат соплеменники. Поэтому Свенсон лишь приглядывал за Романом, выжидая нужного часа. В том, что тот наступит, куратор не сомневался. Ожидание скорой победы сводило его с ума и ему всё сложнее было скрывать свою ненависть к старшим. Одно грело его самолюбие – что он сам скоро станет богом.

IV глава

От места стычки Роман и Скороход ушли достаточно прилично. Об этом можно было судить по взрыву взведённой гранаты, прозвучавшему едва слышным хлопком.

– Дилетанты, – подумал сталкер. Мнение о том, что наёмники – вояки-профессионалы в очередной раз было разрушено. Единственное, чем наёмники отличались от основной массы сталкеров в выгодном свете, это вооружение и амуниция, часто импортного производства и последних модификаций. Откуда всё это добро появлялось у наёмников знали только они сами же. Чувствуя тяжесть трофеев от тех самых наёмников, Роман довольно улыбался. От долгой ходьбы нога Скорохода болезненными тычками отдавала в место растяжения. Жухлая трава, хоть и не высокая, но жёсткая, создавала при движении неудобство, то и дело цепляясь за берцы. Крупные капли пота катились со лба на глаза, разъедая их солью. Скороход болезненно жмурился, утираясь рукой

и краем рукава, но шёл молча, терпеливо перенося неприятности перехода, ожидая, когда наконец появятся огромные, неизвестно откуда взявшиеся, валуны на голом поле. Поэтому место и называлось «Стоянка у камней».

– Прибыли наконец! – сказал Роман.

Обессиленный Скороход буквально рухнул на землю, даже не соизволив снять рюкзак. Стоянкой это место было сделано не случайно, территория просматривалась на все триста шестьдесят градусов, давая преимущество самим сталкерам укрыться в случае атаки за валунами, дававшими неплохую защиту от стрелкового оружия.

– Не время расслабон ловить, Скороход! Потом отдохнём. Костерок, пожрать и всё сопутствующее.

– Может, понемногу сопутствующего? – скидывая с плеч тяжёлый рюкзак, Скороход вопросительно глянул на напарника. – В горле словно щебня полведра...

– От «щебня во рту» водичка поможет.

– Ну да... Так-то оно, можно и водичку. А с радиацией как быть? – продолжал конючить Скороход.

– Ничё, не сдохнешь, потерпят твои рентгены. Грог с группой по пятам топают, надеюсь не в полном составе, так что не вымораживай, лучше хабар за камни убери, и сам туда же уберишься. Вояка, как я погляжу, тот ещё. Отстрелят ненароком и будет меня совесть до конца дней мучить, а ты во снах упрекать.

– Да ну тебя! – надулся Скороход. – Не все убивцы и ду-

шегубы, как ты...

– Ну-ну, тут ты в точку попал. Из-за таких как ты и приходится душегубом и убийцем быть, – без тени обиды ответил Роман. – И вообще, Андрюх, я всё больше прихожу к такому умозаключению, что Илюхиных братков не ты на тот свет сопроводил, уж больно ты человеколюбивый.

– Некогда сейчас, сам говоришь, Грог вот-вот нагрянет, – попытался сменить тему разговора Скороход.

– Вот когда придут, тогда и будет некогда, а сейчас в самый раз, чтоб послушать. Должен же я знать из-за кого приходится грех на душу брать. Ну, так что на самом деле было? – продолжил дожимать Роман. Скороход принял сконфуженный вид.

– Да то и было... Илюхиных людей положил, только не я – напарник мой, Витя Беспалый. Ну и сам пулю шальную поймал и помер. А я должен был Илюху завалить, мы так с Витьком перед засадой договорились.

– Ну-ну, продолжай, – слушая вполуха сказал Роман, изучая через снайперский прицел окраины поля.

– А чего тут продолжать... Я, как мы и договорились, саданул по Илюхе. Беспалого позвал – он молчит. Подошёл, смотрю – мёртвый. Вернулся к месту, где Матёрого подстрелил, гляжу – ползёт, в кровище весь, но живой. Так вдруг муторно стало, я же ведь до этого в людей не стрелял, только ты не подумай, тварей всяких – без проблем, у кого хочешь спроси, а вот людей...

– Ну ты его и пожалел, болезного.

– В общем да, как-то так и получилось.

– А он тебе пообещал за жизнь горы золотые, кисельные реки, молочные берега...

– Вообще-то да. Ну и хабар свой отдал, хороший хабар! Я его до барыги не донёс, припрятал на чёрный день.

– Вот чума ты, Скороход! – засмеялся Роман. – Вон, твой самый чёрный день, наступил бы ровно тогда, когда бы ты к Илюхе в лапы попал. Понимаю теперь, почему они тебя словно зверя загоняли, убивать не хотели. Надо было тебе тогда всего лишь раз на курок нажать и нет проблем.

– Это тебе легко нажать, – огрызнулся Скороход.

– Ладно, хорош трепаться, кажется гости на подходе. Иди, человеколюбец, за валун. Тот, что справа, да жди сигнала, – и снова упал глазом к прицелу.

В сторону стоянки от самого края поля двигались маленькие фигурки людей. Роман насчитал девять человек. Левее, параллельно курсу идущих, двигалась ещё одна группа, их было четверо.

– Вот тебе и прикуп... Армия, да и только. Что ж, повоем, – автомат и 25-ые ВОГ-и к подствольнику он положил к левому, большому валуну, сам же выдвинулся на двадцать метров вперёд, к камням поменьше. Достал два магазина для СВД. – Чтоб потом не возиться, – проговорил он про себя. Подошвой берца откинул несколько мелких камушков и лёг на траву, взяв ствол на изготовку. Проведя винтовкой между

камней, изучая сектор обстрела. – Пойдёт, – удовлетворённо выдохнул он, ожидая приближение врагов.

По мере приближения к стоянке группы начали постепенно сближаться. То, что произошло дальше, Романа вогнало в ступор непонимания. Послышались далёкие хлопки выстрелов, группы рассыпались на отдельных бойцов. Теперь Роману стало очевидным, что группы были не вместе и, столкнувшись на пересечении курса, ввязались в столкновение. Огневой контакт между ними то утихал, то разгорался вновь. Из подлеска появилась ещё одна группа, числом не менее десятка человек, и тут же присоединилась к десяти бойцам, появившимся ранее. Менее многочисленный отряд оказался в критическом положении. Невооружённым взглядом был понятен исход боя. Потеряв одного из бойцов, они использовали свой последний шанс, выпустив по несколько ВОГ-ов по атакующим. При помощи подствольных гранатомётов они отстрелялись дымовыми гранатами «Завеса» и бегом, насколько это позволяло, бросились в сторону камней, за которыми укрылись Роман и Скороход.

– Враг моего врага – мой друг. К тому же шансов отбиться совместно будет в разы больше, – подумал сталкер, сопровождая отступающих через прицел. Ещё один из бегущих бойцов, словно наткнувшись на невидимую преграду на секунду остановился и упал. Остальные подхватили товарища под руки и продолжили двигаться к камням. Видно было, что и им досталось, один из них сильно хромал, но продолжал

двигаться. Почувствовав своё явное превосходство, наёмники усилили огонь, так как звуки приближающейся стрельбы уже были легко различимы и принадлежали они в основном НАТО-вским ФН-2000 и Хеклер Кох. А именно наёмники чаще всего имели их в качестве основного вооружения. Теперь и принадлежность клана отступающих тоже легко было распознать. Черные комбинезоны с тёмно-красными накладками, закрывающими бронепластины, носили бойцы группировки «Долг» – полувоенной организации со всеми вытекающими. Роман к их клану относился нейтрально. В некоторых моментах даже уважительно – за хорошую военную подготовку и дисциплину. Что-то ему внутри говорило, что видимо он когда-то сам был военным. На этом с группировкой «Долг» все хорошие ассоциации заканчивались, так как он не разделял их взгляды о том, что всё в Зоне подлежит тотальному уничтожению, как и она сама. Долговцы уже подошли к спасительным камням, лишь изредка отстреливаясь. Сталкер, чтоб не получить дружественную пулю, громко, стараясь перекрыть автоматную стрельбу, прокричал:

– Я у вас на одиннадцать часов, вынос двадцать метров. Двигайтесь к центру россыпи, я прикрою! – Долговцы, не сбавляя темп, прошли в десяти шагах от Романа и вскоре укрылись за камнями.

Кто-то из них крикнул в ответ:

– Спасибо, друг!

Расстояние от Романа до наёмников сократилось, став не

более двухсот метров. Они, уже почти не скрываясь, двигались к камням, разлившись в широкую цепь. Он не спеша снял тактические перчатки и, чуть поёрзав, занял удобную позицию.

– Ну что, господа, пора уравнивать наши шансы, – плётка произвела свой первый смертельный щелчок.

О том, что наёмники угодили в снайперский мешок они поняли, потеряв четырех человек. Оказавшись на большом ровном поле, не имеющем ни единой преграды для защиты кроме валунов, за которым укрылись сталкеры, они стали лёгкой мишенью и, даже приняв позицию лёжа, всё равно хорошо просматривались в невысокой, редкой траве. Каждый выстрел Романа поражал очередную цель. До леса было слишком далеко и наёмникам ничего другого, кроме как двигаться вперёд, не оставалось. Ползя по-пластунски, они постепенно сокращали дистанцию, двое, не выдержав, встав в полный рост, побежали в сторону спасительного леса, но были срезаны автоматной очередью Скорохода.

– Молодец, Скороходик, взрослеем! – подумал Роман, выцеливая очередную жертву.

Через полчаса безнаказанного истребления, Роман пристегнул к винтовке последний снаряжённый магазин. После очередного выстрела, над полем нависла оглушительная тишина – ни единого движения, ни единого выстрела. Трупы, настигнутые смертью, невыразительными бугорками выделялись в осеннем полевым пейзаже. Сталкер, выждав ещё

какое-то время, наученный опытом, короткими перебежками добрался до камней. Долговцы, укрывшиеся за большим, в два человеческих роста валуном, находились в плачевном состоянии. Раненый, которого несли двое других – умер. Сами же они тоже были недалеко от долины смертной тени, получив по несколько огнестрельных ранений. Увидев Романа, один из них благодарно кивнул, но, взглянув на СВД, тут же напрягся. Его мягкий взгляд покрылся налётом стали, и рука потянулась к ГРОЗ-е – это автоматический комплекс двойного назначения, с боеприпасами 9x19 и несъёмным гранатомётом типа «костёр». Роман это заметил и накрыл своей рукой ослабевшую руку бойца, прислонив СВД к валуну, он, указав на неё взглядом, спросил:

– Знакомая плётка? – Долговец прожёл его взглядом.

– Это Мельника ствол, из второго квад-а, друг он мой.

– Тогда понятно... Хорошая машинка. Не знал я твоего друга, Мельника. Скорее всего земля ему пухом. Я винтовку у наёмника по кличке Днепр приватизировал. Без спроса, конечно. Но за Мельника, считай, он рассчитался – на опушке с дырой в башке лежит, – взгляд долговца потеплел, словно льдинки в нём растаяли, осталась только благодарность и грусть.

– Спасибо, брат. Пусть она теперь у тебя будет, ловко ты с ней управляешься.

– Не стоит. Сделал то, что надо. А плётку, как память о

друге, тебе возвращаю. Не любитель я, тихой охоты, – глаза долговца сказали больше слов, он лишь слегка пожал Роману руку. – Ладно, лирика потом... – смутился Роман. – Пару минут потерпите, надо проверить полянку, а потом займёмся медициной. Скороходик, брат лихой, ты живой там?

– Тут я, чо со мной сделается, – у прошедшего сталкера лицо было бледным, но полным решимости.

– Вот и молодец! – хлопнул того по плечу Роман. – С божьим тебя крещением!

– Да какое там крещение... – смутился Андрей.

– Ладно, не прибедняйся... Пойдём, по скорому осмотрим контингент новопредставившихся, пока зверьё не набежало. При осмотре трупов, Скороход нашёл одного живого и даже не раненного, он, в надежде переждать, притворился мёртвым, уткнувшись носом в сухую, жесткую траву. Скороход ногой откинул лежащий рядом автомат. Поняв, что притворятся нет смысла, наёмник приподнялся на четвереньки и начал что-то объяснять, но закончить не успел – прерванный выстрелом в затылок. Роман, находящийся чуть в стороне, резко обернулся.

– Скороход, ты чо разошёлся?

– Нормально всё... – спокойным голосом ответил сталкер, закидывая на плечо автомат. – Нового всё равно ничо не услышим, а оставлять нельзя.

– Ну да, нельзя, – согласился Роман. – Когда это ты таким кровожадным сделался?

– Вот теперь и сделался... Учитель хороший попался.

Сбором трофеев заниматься не стали – слишком много и почти всё НАТО-вское, зато припасами загрузились по полной и вернулись к Долговцам. Используя хорошие походные аптечки, обработали раны. Тот, кого звали Магнит, получил две пули в ногу и сквозное в грудь – выглядел совсем уж плохо. О пешем переходе с его ранами можно было и не мечтать. Второй, Валера Кострома, пострадал меньше – он был ранен в плечо и по касательной в голову. Селигер, старший квада, умер от ран и лежал рядом, укрытый плащ-накидкой. Задержка у камней рушила все планы Романа. Бросить раненных Долговцев он, по соображениям совести, попросту не мог, понимая, что наёмники наверняка сообщили о боестолкновении и наверняка к ним уже спешит подмога. Если даже каким-то чудом не придут наёмники, ближе к вечеру на такое количество свежего мяса соберётся не мало живности, желая попасть на знатный ужин. Одним словом, думал сталкер, куда ни кинь – всюду клин. Кострома видимо прочитал всё это на лице Романа.

– Присядь, сталкер, – тихо попросил он. – Спасибо, друг, за всё, что ты для нас сделал, большего и желать нельзя. Тут отблагодарить мне тебя нечем, нам с магнитом видно суждено здесь остаться – видишь, плох он совсем, да и я немногим лучше. Так что извини, там... За краем жизни, встретимся и сочтёмся. Вам уходить надо, вечер скоро, а то и вы не за полную табачку поляжете, – Роман понимал, что, по сути, долго-

вещь прав и правда совсем не в радужных тонах. Секунду подумав, он сделал свой выбор и лукаво подмигнул Костроме.

– Ну, брат, так дело не пойдёт. За краем жизни оплат не беру, как-то больше привык по месту благодарность получать. Вы подмогу вызвали? Через сколько придут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.